

Москвичева Н.А., Зиновьева Е.В., Костромина С.Н.,
Одинцова М.М., Зайцева Е.А.

Феномен самодетерминации: психологические истоки
и современное понимание. Часть 1

Moskvicheva N.L., Zinovyeva E.V., Kostromina S.N.,
Odintsova M.M., Zaitseva E.A.

The phenomenon of self-determination:
psychological origins and modern understanding. Part 1
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена рассмотрению феномена самодетерминации личности в психологии, анализу и обобщению истоков его понимания, возникавших в русле различных подходов и концепций, а также обсуждению его содержания и принципов изучения с современных позиций. Актуальность проблематики самодетерминации поведения человека связана с всплеском интереса в научной литературе к процессам самопонимания, к личности, обладающей свободой выбора, характеризующейся осознанным отношением к жизни, способной к преодолению себя в физическом, мотивационном или эмоциональном планах. В то же время можно говорить об отсутствии в настоящем четких границ самого понятия «самодетерминация» и трудностях его разграничения с понятиями, близкими по смыслу. Представленный в статье обзор подтверждает идею о множественных центрах индетерминизма в человеческом поведении и деятельности, т.е. о признании за человеком способности к осуществлению не детерминированной влиянием внешней среды и наследственностью регуляции своей жизни на разных уровнях и с разных теоретических позиций. Среди подходов, в которых представлены идеи относительно разных факторов самодетерминированного поведения, рассмотрены мотивационные характеристики личности во взаимодействии с внешней средой в рамках теории самодетерминации (SDT) Е. Десси и Р. Райна; обобщенные установки человека в отношении себя и своей деятельности в концепции социального научения Дж. Роттера и понятия самозффективности А. Бандуры; влияние на поведение человека потенциальных представлений о себе в концепции «Возможных Я» Х. Маркус; понятие диалогической структуры Я и метапозиции Г. Херманса; понимание свободы воли Э. Фроммом и способность человека участвовать в собственном развитии Р. Мэя; ответственность зрелой личности, опосредованная ее ценностными ориентирами, в работах Д.А. Леонтьева; понятие субъектности в отечественной психологии,

развиваемое С.А. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Л.И. Анцыферовой и др. В статье рассмотрены уровневые подходы к описанию детерминации поведения человека с разных концептуальных позиций на примере моделей, разработанных В.С. Мерлинным, Н.А. Бернштейном, Ш. Бюллер, Г. Олпортом, Ж. Нюттеном, Д. Мак-Адамсом, которые подтверждают предположение о том, что самодетерминационные процессы и характеристики функционируют на качественно разных уровнях организации личности (индивидуальном, деятельностном, ценностно – смысловом) и выполняют разные задачи. Сделан вывод о том, что современный взгляд на феномен самодетерминации должен базироваться на идеях об интегральности, целостности самодетерминационных процессов, и в то же время на идеях их уровневого различия, описания специфичного содержания и механизмов каждого уровня. Предложено определение феномена самодетерминации как многоуровневой динамической системы, обеспечивающей энергетическую, целевую и смысловую активность личности и определяющей относительную свободу в реализации жизненных стремлений человека.

Ключевые слова: самодетерминация, детерминация поведения, уровневые модели личности

Для цитирования: Москвичева, Н.А., Зиновьева, Е.В., Костромина, С.Н., Одинова, М.М., Зайцева, Е.А. Феномен самодетерминации: психологические истоки и современное понимание. Часть 1. // Новые психологические исследования. 2022. № 4. С. 90–116. DOI: 10.51217/psyresearch_2022_02_04_05

Введение

В последние годы в психологической литературе все чаще можно встретить понятие самодетерминации личности, однако при детальном рассмотрении обнаруживается, что за ним, при общем понимании, в значительной степени стоит разное содержание. Чаще всего исследователи подразумевают под самодетерминацией некоторую совокупность характеристик (и/или процессов), в целом описывающих собственную, целенаправленную активность человека, характеризующуюся относительной свободой от внешних сил и произвольным регулированием самопроцессов. Однако терминологическая неопределенность использования этого понятия проявляется в том, что оно фактически выступает как синоним при описании процессов саморегуляции и самоорганизации деятельности (В.А. Иванников, В.И. Моросанова, О.А. Конопкин, Н.М. Пейсахов, А.К. Осницкий и др.), отождествляется с мотивацией (Е. Deci, R. Ryan, и др.) или субъектностью, которая, в свою очередь, отражает содер-

жательно-действенную характеристику активности человека (С.А. Рубинштейн, Д.А. Леонтьев, А.В. Брушлинский, Л.И. Анцыферова и др.). Таким образом, можно говорить о том, что понятие самодетерминации как предмет исследования не имеет четких границ и часто противопоставляется детерминизму, ограничиваясь определенным полем рассмотрения и, соответственно, изучения.

Текущий всплеск интереса к процессам самодетерминации обусловлен не только обновлением понимания побудительных сил и внутренних механизмов поведения личности в современном мире, но и высокой востребованностью таких личностных качеств, как целеустремленность и ответственность, самостоятельность и способность выстраивать приоритеты, готовность изменяться в соответствии с требованиями жизни и принимать решения. Любая из перечисленных характеристик непосредственным образом связана с осознанным отношением к жизни, с процессами самопонимания, самореализации, самоизменений. «Детерминистское» объяснение причин той или иной организации жизнедеятельности личности, ее активности или пассивности исключительно влиянием генетических, средовых и ситуационных факторов уступает место идее множественных центров индетерминизма в человеческом поведении и деятельности (Бергсон, 2019). Результаты исследований личности показывают возможную непредсказуемость и неопределенность ее активности, вариативность и избыточность поведения, которые трудно объяснить влиянием наследственности или среды, и которые в значительной степени связаны с сознанием человека, его смысловыми установками и мировоззренческой позицией, рождаемых самой личностью как необходимых для существования, то есть самодетерминируемых. В связи с этим возникают идеи о свободной, независимой личности, обладающей свободой выбора, преодоления себя в физическом, мотивационном или эмоциональном планах, активно развиваемые в работах экзистенциальных философов и психологов, позитивной психологии, а также представителями субъектно-деятельностного, историко-эволюционного подходов отечественной психологии.

Если мы обратимся к основным психологическим концепциям, то обнаружим, что практически каждая из них в том или ином виде пыталась обратить свой взгляд на те внутренние феномены, которые побуждают человека к самодвижению и самодеятельности (Рубинштейн, 2003) вне зависимости от средовых или биологических факторов.

В данной статье предпринята попытка обобщить и представить идеи, возникавшие в психологии в русле различных подходов и концепций, которые фактически можно отнести к понятию самодетерминации личности, точнее, к его разным проявлениям.

Теория самодетерминации как универсальный подход к интерпретации мотивации личности

В зарубежной психологической литературе проблематика самодетерминации начинает активно разрабатываться с 70-х годов XX века. Толчком к этому послужила сложившаяся ситуация недостаточности существующих объяснительных моделей мотивации поведения человека. Указывая на то, что представления о внутренней мотивации (развиваемой преимущественно в рамках теорий черт) и внешней мотивации (в рамках ситуационных теорий) не могли объяснить высшие формы активности человека, связанные с осмыслением и свободным выбором, исследователи обратили внимание на способность человека к осуществлению свободной, осознанной регуляции своей жизни (Ryan et al., 2019).

Традиционно понятие самодетерминации связывают с получившей широкое признание и распространение теорией самодетерминации (SDT) Е. Десси и Р. Райна, рассматривающих самодетерминацию как проявление человеком свободного выбора по отношению к влиянию внешней среды во взаимосвязи с внутренними характеристиками личности, прежде всего потребностно-мотивационными, а также когнитивными (Deci, Ryan, 2008). Значимой составляющей теории самодетерминации является выделение и описание трех основополагающих потребностей, присущих человеку, формирующих его мотивацию и обуславливающих психологическую стабильность. Важнейшей потребностью личности, по мнению авторов теории, является потребность в автономии – потребность ощущать себя способным к самостоятельной деятельности, причиной событий собственной жизни, действовать в соответствии с собственными выборами и гармонии со своим Я. Присущая человеку потребность в компетентности отражает его стремление быть эффективным, справляться с задачами разных уровней трудности в ответ на вызовы, предъявляемые окружающей средой. Потребность в связанности с другими людьми является мотивационной основой поведения человека в социальной среде, отражая желание индивида быть понятым и принятым значимыми людьми (Deci, Ryan, 2008). Интерпретации поведения людей, практические рекомендации по решению психоло-

гических проблем индивидов и целых групп фактически опираются на рассмотрение взаимодействия трех этих базовых потребностей и социального контекста.

Различные аспекты взаимодействия мотивационных тенденций личности в социальном контексте, с опорой на эту концептуальную платформу, были рассмотрены в так называемых мини-теориях, появившихся в разные годы. Так, теория когнитивных оценок (1975 г.) сфокусировалась на том, что социальная среда может способствовать или, наоборот, подрывать внутреннюю мотивацию. Теория органической интеграции (1985 г.) подчеркивает существование присущей человеку тенденции к росту, преодолению возникающих проблем и интеграции человеком нового опыта в связанное ощущение себя, а также необходимость их постоянной социальной поддержки. Теория каузальных ориентаций (1985 г.) указывает на индивидуальные различия в том, как люди ориентируются в своей среде, и выделяет типы личностных побуждений к совершению действий и выбору. В теории базовых психологических потребностей (1995 г.) обосновывается существование трех базовых потребностей личности – в автономии, компетентности и связанности с другими людьми. Теория содержания целей (2000 г.) связывает стремление к внутренним и внешним целям с психологическим благополучием личности и детально описывает целый континуум мотивов, а разработанная относительно недавно теория мотивации отношений (2014 г.) фокусируется на возможности качественных межличностных отношений (Гордеева, 2010а; Ryan, Deci, 2017).

По мнению сторонников теории самодетерминации (SDT), в совокупности эти мини-теории являются исчерпывающей основой для интерпретации любых видов поведения человека, будь то типичные универсалии, приобретенные индивидуальные различия или сиюминутная феноменология (Sheldon, Prentice, 2019). В целом, сторонники представляют теорию самодетерминации как масштабную макротеорию человеческой мотивации, связывающую воедино разные типы мотивации, формы социальной регуляции и стимулирования человеческого поведения, определяющие психологическое благополучие личности. В рамках данного направления проведено много численных исследований, направленных, например, на установление связи целей и характера мотивов с психологическим благополучием, роли социальных и культурных факторов в усилении или снижении чувства воли и инициативы людей, выявление взаимосвязей самодетерминации с конкретными

феноменологическими проявлениями и чертами личности: например, с нарциссизмом (Sedikides et al., 2019); с мудростью (Bauer et al., 2019). В прикладном плане теория самодетерминации выступает основой для решения важных социальных проблем, например, повышения эффективности профессиональной деятельности, поддержания высокого качества межличностных отношений, осуществления позитивных изменений в образе жизни, направленных на достижение достаточного уровня психологического благополучия на разных профессиональных, социальных и возрастных выборках (Gomez-Baya et al., 2018; Liu et al., 2022).

При этом сообщается и о неоднозначных результатах. Например, как указывает Т.О. Гордеева, в целом факт позитивного влияния внутренних типов мотивации на психологическое благополучие личности подтвержден, но может иметь свою специфику в разных культурах, в частности, с трудом подтверждался на неамериканских выборках. По данным автора, феномен негативного влияния внешней мотивации на психологическое благополучие личности также не всегда подтверждался в исследованиях, что не дает оснований считать теорию самодетерминации единственно возможным способом интерпретации (Гордеева, 2010b).

Таким образом, при всей масштабности задач, поставленных сторонниками теории самодетерминации, ориентирующих исследователей на использование их концептуальных объяснений любого мотивированного поведения, очевидно, что она описывает только определенный, ограниченный круг вопросов. Можно констатировать, что разработанный ряд мини-теорий действительно постулирует тенденции личности к росту и преодолению, раскрывает многообразие ее мотивов, указывает на роль когнитивных интерпретаций во взаимодействии со средой и, в конечном счете, описывает их связь с психологическим благополучием человека. Однако за рамками данной теоретической платформы остаются вопросы, связанные, с одной стороны, с природой побудительных сил, обеспечивающих энергетику системы, ее стремление к росту и преодолению, а с другой стороны, – с осознанием человеком смыслов собственной жизни, свободы и воли. Нельзя не согласиться с тем, что самодетерминация не может быть сведена к автоматически срабатывающему механизму, и в этой теории не достает ответа на главный вопрос, зачем человеку автономия и самодетерминация, в чем их смысл (Леонтьев, 2011).

Обращение к различным психологическим концепциям и подходам показывает, что во многих из них высказывались важные идеи, касающиеся собственной активности личности, которые позволяют рассматривать вопросы детерминации-индетерминации человеческого поведения более глубоко.

Самодетерминация как движущая установка

В концепции социального научения Дж. Роттера особое внимание обращается на субъективную значимость социально-когнитивных факторов, определяющих поведенческий потенциал личности. Понятие локуса контроля выступает личностной переменной, отражающей смысловую ориентацию в значимых ситуациях, являясь, по сути, верой человека в возможность влиять на исход событий, происходящих в его жизни, в противовес убеждению в том, что жизнь контролируется внешними факторами, на которые человек не может повлиять. Экстернальный локус контроля личности отражает веру человека в то, что его успехи и неудачи определяются внешними факторами такими, как судьба, счастливый случай или влиятельные люди. Интернальный локус контроля личности, напротив, характеризует веру в то, что происходящее с ними является результатом их собственного поведения, усилий, способностей, решений, личностных характеристик. По Дж. Роттеру, индивид, имеющий сильную веру в то, что он может контролировать свою судьбу, вероятно, будет более внимательным к тем аспектам окружающей среды, которые предоставляют полезную информацию для его будущего поведения; предпримет шаги для улучшения состояния окружающей среды; будет придавать большее значение навыкам или достижениям подкрепления и в целом больше анализировать свои способности, особенно неудачи, и сопротивляться попыткам повлиять на него (Rotter, 1966).

Таким образом, локус контроля фактически является обобщенным ожиданием того, в какой степени человек может контролировать подкрепления в своей жизни. Предполагается, что жизненный опыт человека и история подкрепления связаны со степенью приписывания результата личным/внешним действиям, сложившиеся убеждения и ожидания относительно характера причинно-следственных связей развиваются в процессе взаимодействия с другими людьми и миром, с учетом влияния индивидуальных различий. Локус контроля в этом смысле отражает ценность деятельности, влияет на направленность

смысловых устремлений личности, определяющих построение ей жизненной стратегии.

Другой аспект установок человека как движущей силы в отношении самого себя представлен в содержании понятия самоэффективности, предложенного А. Бандурой. Он употребил термин «самоэффективность» для обозначения убеждений человека в собственной способности совершить действия определённого уровня, которые могут оказать влияние на события его жизни. Самоэффективность, как вера в себя и свои возможности, обуславливает готовность человека к проявлению активности, достижению желаемого и отражается в переживании собственной успешности. Вера в самоэффективность определяет, как люди чувствуют, думают, мотивируют и ведут себя. Рассматривая самоэффективность как когнитивный механизм, А. Бандура описал три основные ее характеристики: уровень, обобщенность и силу. Уровень самоэффективности отражает убеждения в том, что человеку под силу справиться с той или иной задачей даже при высокой её сложности. Обобщенность показывает широту представлений об успешности в одной сфере с переносом на другие. Сила самоэффективности отражает устойчивость убеждений индивида в его способности реализовать ту или иную деятельность (Bandura, 1997). Современные специалисты, говоря о понятии «самоэффективность», имеют виду систему убеждений человека в собственной компетентности, веру в собственный потенциал и готовность действовать. Эти представления распространяются на все сферы жизни человека и не зависят от конкретной ситуации. Данные исследований свидетельствуют, что представления о собственной эффективности тесно взаимосвязаны со многими сторонами человеческой жизни, с ее психологическим благополучием и физическим здоровьем. Показано, например, что люди с высокой самоэффективностью чаще добиваются успеха, ставят перед собой значимые цели, чем люди с низкой самоэффективностью; студенты при обучении получают более высокие оценки, рассматривают больше вариантов для карьеры (Леонтьев и др., 2011).

В контексте обсуждаемой проблемы можно говорить о том, что в теориях локуса контроля и самоэффективности личности прослеживается идея о том, что эти *обобщенные установки* могут выступать для личности в качестве источника самодетерминированного поведения.

Самодетерминация как процесс развития Я

Идею самодетерминации поведения человека в связи с образом его Я можно увидеть в концепции «Возможных Я» Х. Маркус. Характеристики «Возможных Я» могут объяснить влияние потенциальных представлений человека о себе на его образ Я. В «Возможные Я» включены текущие представления человека относительно того, кем он хотел бы стать, а также Я, которых он хотел бы избежать, и Я, которые никогда не станут реальностью (Markus et al., 1986). Фактически «Возможные Я» представляют собой направленный в сферу будущего и возможного компонент Я-концепции, на когнитивном уровне выражающий ожидания, стремления, страхи или надежды субъекта. Большинство приверженцев данной концепции отмечают, что конструкт Возможных Я является важным инструментом в совладании с трудными жизненными ситуациями, личностным ресурсом в саморегуляции собственной деятельности. На последнем аспекте (ввиду важности соотношения данного понятия с самодетерминацией) мы остановимся поподробнее.

«Возможные Я» являются временной разновидностью Я-схем (компонент Я-концепции, ответственный за организацию и трансляцию информации о себе, необходимой для текущей деятельности в определённой сфере активности). В процессе принятия быстрых решений и адаптации к различным задачам происходит согласование «Возможных Я» и Я-схемы («в настоящем»). Их согласованность определяет степень реалистичности задуманного, а, следовательно, способствует более осознанному выбору. Таким образом, можно заключить, что Возможные Я являются источником внутренней причинности выборов, совершаемых человеком. Мотивационная сила «Возможных Я» изучалась в ряде исследований под руководством Д. Ойзермана. Было показано, что так называемые саморегуляционные «Возможные Я», детально описанные человеком, с четко обозначенной целью, значимо сильнее влияют на поведение человека, поскольку включают понимание того, какими способами и усилиями их можно достигнуть / избежать. Вместе с тем, обобщенные желаемые «Возможные Я», не включающие таких представлений, чаще всего связаны лишь с позитивным аффектом самоотношения (Oyserman et al., 2009).

В концепции диалогической структуры «Я» Г. Херманса обращается внимание на то, что эта структура формируется в диалоге со значимыми другими, имея, таким образом, социальное и культурное происхождение. Основываясь на представлениях М. Бахтина о

полифоническом содержании сознания, Г. Херманс представляет структуру «Я» как совокупность относительно самостоятельных «Я-позиций», выражающих различные части личностного сознания и включающие соответствующее им содержание, например, воспоминания или истории. В структуре такого Я Г. Херманс предлагает выделять: 1) область внутренних «Я» (социальные роли и версии меня); 2) область внешних «Я» (интериоризированные другие, которые могут быть воображаемыми или реальными; отдельными людьми и целыми сообществами; представлять временные отрезки прошлого, настоящего или будущего); 3) общество – реальные другие (окружение человека) (Hermans, 1992).

Идея самодетерминации в данной концепции содержится именно в понятии «позиционирования», порождаемого самой системой возможных позиций: *процесса занятия человеком той или иной позиции* внутри окружающего контекста, по отношению к другим позициям, перемещения от одной позиции к другой и др., а также в понятии *метапозиции*, которая может представлять собой процесс саморефлексии (позиция, являющаяся неким центром для принятия решений личностью относительно действий в той или иной ситуации).

Самодетерминация как свобода воли

Вопросы о сущности свободы всегда привлекали исследователей гуманистического и экзистенциального направления. Уже в работах Э. Фромма обосновывалось, что свобода выбора несет в себе разный заряд, есть позитивное и негативное направление свободы. Позитивной является «свобода, при которой человек чувствует себя частью мира и в то же время не зависит от него» (Фромм, 1989, с. 144). Вместе с тем мы видим идею дихотомии свободы и автономии: позитивная свобода означает свободу расти и развиваться в соответствии с законами человеческого существования, т.е. автономными ограничениями. По Фромму, для достижения позитивной свободы человеку необходимо преодолеть свою пассивную природу, стать активным и творческим создателем собственной жизни. Подниматься над случайностью и преодолевать пассивность существования человеку помогает дело созидания, приводящее к чувству собственной значимости, например, это может быть творчество, воплощение идеалов или воспитание детей (Фромм, 2012).

В рамках экзистенциального направления понятие свободы является одной из основополагающих категорий. Для Р. Мэя

свобода – это способность человека участвовать в собственном развитии, способность формировать себя. Свобода тесно связана с самоосознанием: чем меньше человек осознает себя, тем больше он несвободен, тем более мощное воздействие на него оказывают силы, которые он не в состоянии контролировать. И наоборот, любое действие, связанное с самоосознанием, расширяет спектр его выборов и свободы. Свобода личности – в осознании и принятии реалий не в силу слепой необходимости, но благодаря собственному выбору (Мэй, 2013, с. 137–139). Делая свободный выбор, человек одновременно в сознании прокручивает и сопоставляет ряд различных возможностей. В этом заключается суть свободы: она превращает возможное в действительное благодаря тому, что, принимая в данный момент пределы действительного, работает в основном с реалиями возможного. В концепции человека Р. Мэя подчеркивается осознанный целевой аспект поведения, то есть возможность управления собой. Способность организовать свое «Я» для движения к определенной цели представляет собой необходимый волевой компонент свободы и выбора, но предполагается также существование смыслового компонента, на основе которого этот выбор делается. Этот компонент, содержащий осмысление человеком своего прошлого опыта и его представления о будущем, Р. Мэй называет интенциональностью, подчеркивая однако, что она не всегда бывает осознанной полностью (Мэй, 1997).

Самодетерминация как ответственность

Категория свободы, как возможности преодоления личностью внешних по отношению к ней видов детерминации, тесно взаимосвязана с категорией ответственности, достаточно значимой в отечественной психологической традиции.

При рассмотрении проблематики детерминации/индетерминации поведения человека Д.А. Леонтьев прямо говорит о том, что самодетерминация является новым уровнем отношения человека с миром, переход к которому лежит через интеграцию свободы и ответственности, связанной с обретением им ценностных ориентиров. Ответственность, по Д.А. Леонтьеву, «есть сознание человеком своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни, и связана с сознательным управлением этой способностью; лишь осознавая возможность активного изменения ситуации, человек может предпринять попытку такого изменения» (Леонтьев, 1993, с. 34). Зрелой личности в отличие от незрелой присуща саморегулируемая

произвольная осмысленная активность, основанная на объединении свободы и ответственности. Вместе с тем пути их становления различаются: «если становление свободы – это обретение права на активность и ценностных ориентиров личностного выбора, то становление ответственности – это переход регуляции активности извне вовнутрь» (Гам же, с. 35).

Необходимыми условиями возникновения у человека духовного состояния личностной свободы являются осознание им того, что возможность выбора существует, и имеющаяся внутренняя готовность осуществить этот выбор, включенный в контекст личностного знания и смыслообразования, создания новых смысловых отношений. Д.А. Леонтьев выделяет три категории выбора (как своего рода проявления самодетерминированного поведения): простой выбор (при понимании имеющихся альтернатив и критериев их сравнения); смысловой выбор (альтернативы имеются, но критерии сравнения не однозначны); экзистенциальный выбор (не определены критерии и нет фиксированного выбора альтернативы; рациональный анализ недостаточен для осуществления подобного выбора). С этой точки зрения самодетерминация (ее степень или особенности) выступает как личностный ресурс готовности к экзистенциальному выбору (Леонтьев и др., 2011).

Самодетерминация как проявление субъектности

В отечественной психологии идеи самодетерминированного поведения прежде всего связаны с понятием субъектности, развиваемым в рамках субъектно-деятельностного подхода, представителями которого являлись С.А. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.И. Анцыферова, А.В. Петровский, А.Н. Леонтьев, Б. Д. Ломов и др.

Субъектность первоначально раскрывается ими через внутреннюю регуляцию человеком своей деятельности. С.А. Рубинштейн считал (Рубинштейн, 1998), что психические процессы человека в процессе жизненного пути и на основе жизненного опыта не остаются процессами, совершающимися сами по себе в ответ на внешние стимулы; они превращаются в сознательно регулируемые действия или операции, которыми овладевает личность в ходе решения жизненных задач. Характеризуя понятия «личность» и «субъект», С.А. Рубинштейн отмечал: «Субъект в специфическом смысле слова (как «Я») – это субъект сознательной, произвольной деятельности... Ядро его составляют осознанные побуждения – мотивы сознательных действий» (Рубинштейн, 1973, с. 246–247). Саморегуляция в рабо-

тах С.А. Рубинштейна связывается с возможностью ограничения человеком избыточных степеней свободы.

Регулирующую функцию при постановке целей и осознании поступков, по А.Н. Леонтьеву, выполняют смысловые образования (Болотова и др., 2015). Они воспроизводятся в иерархии деятельностей, относительно отделены от биологических оснований, и именно они образуют сущность – ядро личности.

В целом, этот подход постулирует, что субъектность предполагает такие неотъемлемые характеристики, как активность, осознанность, ответственность, самостоятельность и др., и проявляется в личности способностью производить взаимообусловленные изменения в себе, в людях и окружающем мире (Петровский, 1996).

Кроме собственно регуляторного аспекта, внимание исследователей перемещается на общий жизненный контекст, в котором находится личность, и формулируются такие понятия, как «субъект своего жизненного пути» и «субъект своего внутреннего мира» (С.А. Рубинштейн, Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский).

В отношении субъекта жизненного пути на первый план выступают качества индивидуальности, рассматриваемой в контексте общественно исторической значимости неповторимости субъекта. Предметом исследования является процесс выстраивания жизненного пути в соответствии с жизненным замыслом, детерминация личностью собственного развития (Анцыферова, 1989). Чем полнее включенность личности во взаимодействие с окружающим миром, тем более сокращается психологическое, переживаемое личностью расстояние между нею и этим миром, а ее внутренний мир отличается разнообразием, пристрастностью и эмоциональностью. В случае, когда уровень эмоциональности и творческого взаимодействия с миром снижен, субъект внутреннего мира характеризуется обедненностью, расстояние между ним и миром увеличивается вплоть до переживания чувства отчуждения от него (Анцыферова, 1989).

Таким образом, развиваясь, личность все более выступает как *суверенный источник активности*, субъект не только своего поведения, но и своего внутреннего мира, своей психической жизни, способный сознательно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя.

В целом важно отметить, что в отечественной психологии существуют глубокие традиции в понимании субъекта и субъектности, позволяющие существенно расширить подход к пониманию самодетерминации. Безусловно, эти два понятия нельзя рассматривать

как синонимы, но одно невозможно рассматривать без другого, субъектность как творческое взаимодействие личности с миром вокруг себя может выступать высшим проявлением самодетерминации.

Самодетерминация как регуляция жизненного контекста: подходы к созданию уровневых моделей

Идеи о необходимости разработки целостных моделей регуляции активности человека, а также различения уровней этой регуляции по разным основаниям получили свое воплощение в различных психологических парадигмах.

Так, в отечественной психологии В.С. Мерлиным была детально разработана теория «интегральной индивидуальности». Она основывалась на принципах системности, общей теории живых саморегулирующихся и самоактуализирующихся систем. Индивидуальность, по мнению В.С. Мерлина, представляет собой иерархическую совокупность не входящих друг в друга, относительно автономно сосуществующих подсистем разного уровня (подсистемы индивидуальных свойств организма, индивидуальных психических свойств организма и социально-психологических индивидуальных свойств), связанных внутри уровней и между ними не только многозначными связями, но и разными типами детерминации. Так, в интегральной индивидуальности, по мнению В.С. Мерлина, существуют многозначные каузальные связи между уровнями, т.е. свойства низшего уровня выступают как причины, а свойства высшего – как следствия. В этом случае одни уровни интегральной индивидуальности функционируют относительно автономно и закрыты от других уровней. В системе, вместе с тем, существует и телеологическая детерминация – направленность системы на определенный полезный результат, в этом случае внутренняя цель системы оказывает воздействие на ход процесса, а разные уровни системы открываются друг для друга и вступают в определенные взаимоотношения (Мерлин, 1986). Идея телеологической детерминации, по мнению Л.Я. Дорфмана, близка понятиям финальной причины, предназначения, имманентной цели существования (Дорфман, 2008) В целом, механизмы регуляции представляются сложноорганизованной уровневой системой, в которой взаимосвязи внутри уровней и между уровнями *подчиняются разным законам*.

Сходные по замыслу идеи относительно разных механизмов регуляции поведения человека представлены и в модели потребного будущего, разработанной Н.А. Бернштейном. В соответствии с

ней, механизмы регуляции поведения меняются на разных уровнях филогенетического и онтогенетического развития. Если на элементарном уровне действия полностью определяются пусковым стимулом и совершаются по жесткой схеме «стимул – реакция», то по мере возрастания сложности двигательной активности возрастает регулирующая роль третьего звена – *функциональной системы* управления движением. Вводя понятие модели потребного будущего, Н.А. Бернштейн подчеркивает ее роль в возникновении целеустремленных процессов, включающих мотивацию борьбы организма за достижение цели и обеспечивающих развитие и закрепление целесообразных механизмов ее реализации. По Н.А. Бернштейну, только уяснившийся образ потребного будущего может послужить основанием для оформления задачи и программирования её решения, при этом подчеркивается, что она имеет вероятностный характер. Отметим, что особую актуальность в условиях изменяющейся жизни обретают идеи ученого относительно процессов предвосхищения будущего в условиях неопределенности посредством экстраполяции, антиципации и моделирования будущего (Бернштейн, 1966).

Различение разных уровней системы детерминации активности человека, но уже с точки зрения его развития, представлено в концепции жизненного пути Ш. Бюллер. По мнению автора, реализация уникальных возможностей для роста и развития человека основывается на поддержании оптимального уровня возбуждения для совершения желаемых действий (Buhler, Allen, 1972). При этом жизненный путь личности есть путь реализации интенциональности, которая проявляется в жизненных выборах, не всегда осознаваемых человеком. Сам же жизненный путь описывается как реализация имеющихся врожденных разнонаправленных «базовых тенденций», среди которых: 1) удовлетворение потребностей (физические, эмоциональные и интеллектуальные потребности, например, потребности в самоуважении, образовании, в личном удовлетворении, в любви и др.); 2) «самоограничивающая адаптация» – приспособление, необходимость подстраиваться, соответствие окружению, дабы ощущать принадлежность и участвовать в жизни общества; 3) стремление к достижениям и творчеству, творческая экспансия как стремление стать трудолюбивым, предприимчивым, продуктивным и самовыражающимся; 4) тенденция к интеграции и поддержанию порядка внутреннего мира (Buhler, Marschack, 1968). Таким образом, одновременно указывая на ведущую роль в развитии человека

стремления к самореализации, росту, выстраиванию личной философии жизни, самоосуществлению и самоопределению, вопрос детерминации развития человека видится Ш. Бюллер как разворачивание *врожденных структур самосознания*, не детерминированных самим человеком.

Сложная многоуровневая целостная организация личности с акцентом на объединяющую и организующую ее внутреннюю силу представлена в персонологической теории Г. Олпорта (Олпорт, 2002). Он описал два уровня, или типа, функциональной автономии. Первый уровень – так называемая устойчивая функциональная автономия, напрямую связанная с функционированием механизмов обратной связи в нервной системе, что в определенной степени соотносится с описанными выше подходами В.С. Мерлина и Н.А. Бернштейна. Второй, высший тип, – собственная функциональная автономия – описывает функционирование человека в контексте его приобретенных интересов, сформированных ценностей, установок и намерений. Эта система мотивации является внутренним «двигателем» личности, обеспечивающим постоянство в стремлении человека к развитию и не требующим дополнительных вознаграждений; «наградой» является достижение более высокого уровня зрелости и личностного роста.

Целостность системы личности просматривается в описанных Г. Олпортом принципах функционирования собственной автономии. Принцип организации энергетического уровня декларирует необходимость достаточного уровня активности человека, служащей фундаментом для достижения его целей. Принцип преодоления и компетентности утверждает существование мотивации преодоления преград и извлечения опыта для себя из окружающего мира. Третий принцип – принцип построения проприативной системы – раскрывает объединяющую тенденцию внутри личности. Понятие проприума, как наиболее важное и центральное, характеризует личность с точки зрения ее внутреннего единства, постоянства ее диспозиций, намерений и перспективных целей за счет того, что сам человек организует собственную жизнь вокруг проприума, усиливая «себя», отвергая «не свое», приводя к формированию уникальности человеческой жизни. Проприум, в понимании Г. Олпорта, – позитивное, творческое свойство человеческой природы, характеризующее личность как непрерывно изменяющуюся и развивающуюся сущность (Олпорт, 2002).

Систему мотивационных факторов, детерминирующих поведение человека, описывает в теории поведенческой динамики Ж. Нюттен.

Отличительной особенностью теории является идея о присутствии на каждом уровне психической жизни человека двух основных, но при этом разнонаправленных мотивационных тенденций. «Первая связана с самодетерминацией, самоактуализацией, потребностью в достижении, самозащите, самосохранении и т.д. Вторая – с самоотдачей, потребностью в контакте, в аффилиации, в причастности, в единении и любви» (Леонтьев, 2004, с. 8). Эти тенденции обязательно проявляются в специфическом поведении на разных уровнях функционирования личности, среди которых Ж. Нюттен выделяет психофизиологический, социальный и духовный. На психофизиологическом уровне тенденция к самодетерминации проявляется в базовой потребности в витальном развитии, а тенденция к аффилиации и причастности можно соотнести с потребностью в биологическом контакте. На социальном уровне мотивация самодетерминации проявляется в потребности в развитии личности, а мотивация аффилиации – в потребности в психосоциальном контакте. На высшем уровне, связанном с представлением «о трансцендентных по отношению к материальному миру ценностных реалиях, которые придают жизни человека надмирской характер» (Нюттен, 2004, с. 277), данные мотивационные тенденции проявляются соответственно в потребности в экзистенциальной опоре и потребности в универсальной интеграции. Важно также отметить, что Ж. Нюттен прямо использовал термин «самодетерминация», понимая под ней волевую регуляцию процесса мотивации. «Воля относится к той категории персонализированных процессов мотивационной саморегуляции, которую называют также самодетерминацией» (Нюттен, 2004, с. 277).

В многоуровневой схеме индивидуальности Д. Мак-Адамса внимание акцентируется не просто на внутренних процессах детерминации человека, а на позиции взаимодействия человека и общества. Так, первый уровень детерминации включает в себя свойственный личности паттерн черт, или диспозиций, отражающий индивидуальное сочетание личностных свойств, обеспечивающий ее типичные способы восприятия окружающего мира и реагирования на ситуации, возникающие в нем. Второй уровень – уровень характеристических адаптаций – включает индивидуальные мотивы, цели, схемы, ценности и т.п., связанные с включенностью человека в социальный контекст. Этот уровень отражает развитие личности через формирование и изменение мотивационных факторов, неразрывно связанных именно с социумом как средой, в которую погружен человек. Третий уровень, описание которого является

уникальным вкладом Д. Мак-Адамса в современную психологию личности, – это уровень идентичности личности, понимаемой как ее субъективная жизненная история, придающая жизни человека смысл, направленность и единство (Мак-Адамс, 2008).

Таким образом, среди факторов, детерминирующих поведение человека, рассматриваются смыслы и значения, формируемые самим человеком и объединяющие его жизнь для него самого в единую целостную систему. Важно отметить, что субъективная жизненная история является динамичной, т.е. конструируемой и меняющейся в соответствии (и в диалоге) с ценностями, стереотипами и нормами культуры и сообществ, участником которых является человек. Это субъективное представление о себе, о смыслах и причинах своей жизни человека, помещенного в определенную семью, окруженного друзьями и знакомыми, живущего в конкретном обществе в конкретный исторический период.

Заключение

Проведенный обзор показывает, что вопросы самодетерминации поведения и развития личности рассматривались как в отечественной, так и в зарубежной психологии с разных концептуальных позиций и, по существу, являются одними из важнейших для понимания свободной сущности человека. При этом можно говорить как о попытках разработать целостную систему, описывающую самостоятельную регуляцию существования и активности человека, так и о важных идеях относительно содержания и механизмов самодетерминации, которые были предложены в разных психологических подходах.

Общим во всех рассмотренных подходах является признание способности человека к осуществлению свободной, не детерминированной влиянием внешней среды и наследственностью регуляции своей жизни. Внутренние – мотивационные, когнитивные, рефлексивные и другие характеристики личности (в концепциях разных подходов и авторов) – при этом рассматриваются как источники индетерминированного поведения или его механизмы. В представленном обзоре такими характеристиками, в частности, выступили развитый внутренний локус контроля и вера в самоэффективность как обобщенные установки человека в отношении самого себя; интенциональность как структура, в которой человек осмысляет свой прошлый опыт и представляет себе будущее; представления о своих «Возможных Я» и способность организовать свое «Я» для движения к определенной цели, предполагающие *(если*

это причастие относится к «представления» и к «способность») наличие воли; «позиционирование» как процесс занятия человеком той или иной позиции и метапозиция, близкая к само-рефлексии; субъектные качества личности; ответственность как осознание человеком себя как причины изменений и самоизменений, сформированная внутренняя готовность осуществить выбор, включенный в контекст личностного знания и смыслообразования. Различность описываемых характеристик подтверждает идею существования множественных центров индетерминизма в человеческом поведении и деятельности.

Вместе с тем очевидно, что описываемые процессы и характеристики функционируют на качественно разных уровнях организации личности (индивидуальном, деятельностном, ценностно-смысловом) и выполняют разные задачи. Например, в представленных подходах многие авторы выделяют значение энергетического уровня, обеспечивающего достаточный уровень активности человека для борьбы организма за достижение цели и включающего целесообразные механизмы ее реализации. Говорится о собственных стремлениях человека, связанных с его жизнью в социуме (например, стремлении к достижениям, самореализации), и предполагающих преодоление, повышение уровня компетентности и непрерывное подкрепление и усиление собственной мотивации, направленной на достижение более высокого уровня личностного роста. Среди высших уровней организации личности называют выстраивание личной философии жизни, ценности, установки и намерения, смыслы и значения, формируемые самим человеком и объединяющие его жизнь для него самого в единую целостную систему.

Предложенный анализ, на наш взгляд, позволяет в целом определить *самодетерминацию как многоуровневую динамическую систему, обеспечивающую энергетическую, целевую и смысловую активность личности и определяющую относительную свободу в реализации жизненных стремлений человека.*

Современный взгляд на феномен самодетерминации должен базироваться на идеях об интегральности, целостности самодетерминационных процессов и в то же время на идеях их уровневого различия, описании специфического содержания и механизмов каждого уровня. При этом вопрос выделения уровней самодетерминированного функционирования является непростым. Предпринятый анализ позволяет сказать, что в отношении некоторых описанных характеристик уровень самодетерминации (например, индивидуальной самоорганизации) можно выделить

достаточно определено, тогда как в отношении других сложнее сделать это однозначно. Можно предположить существование переходных уровней, когда в каких-либо проявлениях реализуются самодетерминационные процессы разного порядка или они могут переходить из одного в другое, что вполне укладывается и в саму сущность любых живых систем, процессуальная природа которых отражает постоянный рост, развитие и изменение.

Многоуровневое описание феномена самодетерминации позволит преодолеть разнонаправленность имеющихся теоретических представлений о причинах самодетельного поведения человека, поскольку, с одной стороны, поможет определить его самостоятельное содержание, несводимое к другим понятиям («субъектность», «саморегуляция», «внутренняя мотивация» и пр.), а, с другой – будет представлять собой объяснительную модель, описывающую разную природу индетерминированности личности, в том числе тех форм поведения, которые не укладываются в классические теории самодетерминации. Имплементация идей отечественных психологов в понимание феномена самодетерминации позволит описать этот феномен целостно, но в то же время с дифференциацией видов и уровней взаимодействия самодетерминационных процессов, что гораздо глубже существующих зарубежных аналогов.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ, проект № 22-28-00460 «Комплементарная модель самодетерминации личности: теоретические основания, диагностический инструментарий, практика внедрения».

Литература

Анцыферова, Л.И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1989. С. 426-433.

Бергсон, А. [Bergson H.] Творческая эволюция. / Пер. с англ. В. Флоровой. М.: Академический проект, 2019.

Бернштейн, Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.

Болотова, А.К., Пурецкий, М.М. Развитие идей саморегуляции в исторической ретроспективе // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 64-74.

Гордеева, Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее.

Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования. 2010а. Т. 3. № 12. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i12.906>

Гордеева, Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 2: Вопросы практического применения теории // Психологические исследования. 2010б. Т. 3. № 13. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i13.895>

Дорфман, Л.Я. Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 106–121.

Леонтьев, Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.

Леонтьев, Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.

Леонтьев, Д.А. Человек перспективы // Нюттен, Ж. Мотивация, действие, перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 5–16.

Леонтьев, Д.А., Мандрикова, Е.Ю., Рассказова, Е.И., Фам, А.Х. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 511–546.

Мак-Адамс, Д.П. [McAdams D.P.] Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 135–166.

Мерлин, В.С. Очерк интегральной индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

Мэй, Р. [May R.] Любовь и воля. / Пер. с англ. О.О.Чистяков и А.П.Хомик. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.

Мэй, Р. [May R.] Человек в поисках себя. / Пер. с англ. А. Багрянцевой. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013.

Нюттен, Ж. [Nuttin J.] Мотивация, действие, перспектива будущего / Пер. с англ. Е.Ю. Патяевой, Н.Н. Толстых, В.И. Шевяховой. М.: Смысл, 2004.

Оллпорт, Г. [Allport G.] Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.

Петровский, В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Рубинштейн, С.А. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

Рубинштейн, С.А. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

Рубинштейн, С.А. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998.

Фромм, Э. [Fromm E.] Человек для себя. / Пер. с англ. А. В. Александровой. М.: Астрель, 2012.

Фромм, Э. [Fromm E.] Бегство от свободы. / Общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1989.

Bandura, A. Self-efficacy. The Exercise of Control. New York: W.H. Freeman and Comp, 1997.

Bauer, J.J., King, L.A., Steger, M.F. Meaning making, self-determination theory, and the question of wisdom in personality // *Journal of Personality*. 2019. Vol. 87. No. 1. P 82–101.

Buhler, C.M., Marschack, M. Basic tendencies of human life / In C. Bühler, F. Massarik (Eds.), *The course of human life: A study of goals in the humanistic perspective*. New York: Springer, 1968. P. 92–102.

Buhler, C.M., Allen, M.R. Introduction to humanistic psychology. Calif.: Brooks/Cole Pub. Co, 1972.

Deci, E.L., Ryan, R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // *Canadian Psychology*. 2008. Vol. 49. P. 182–185.

Gomez-Baya, D., Lucia-Casademunt, A.M. A self-determination theory approach to health and well-being in the workplace: Results from the sixth European working conditions survey in Spain // *Journal of Applied Social Psychology*. 2018. Vol. 48. No. 5. P. 269–283.

Hermans, H.J., Kempen, H.J., Van Loon, R.J. The Dialogical Self: Beyond Individualism and Rationalism // *American Psychologist*. 1992. Vol. 47. No. 1. P. 23–33.

Liu, Y., Raza, J., Zhang, J. et al. Linking autonomy support and health at work: The self-determination theory perspective // *Current Psychology*. 2022. Vol. 41. No. 6. P. 3651–3663.

Markus, H., Nurius, P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. Vol. 41. No. 9. P. 954–969.

Oyserman, D., James, L. Possible selves: From content to process / In K. Markman, J.A. Suhr (Eds.), *The Handbook of Imagination and Mental Stimulation*. New York: Psychology Press, 2009. P. 373–394.

Rotter, J.B. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // *Psychological Monographs*. 1966. No. 80. P.1–28.

Ryan, R.M., Deci, E.L. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: Guilford Press, 2017.

Ryan, R.M., Soenens, B., Vansteenkiste, M. Reflections on self-determination theory as an organizing framework for personality psychology: Interfaces, integrations, issues, and unfinished business // *Journal of Personality*. 2019.

Vol. 87. Special Issue: Self-determination theory as a unifying theory within personality psychology. P. 115-145.

Sedikides, C., Ntoumanis, N., Sheldon, K. M. I am the chosen one: Narcissism in the backdrop of self-determination theory // Journal of Personality. 2019. Vol. 87. Special Issue: Self-determination theory as a unifying theory within personality psychology. P. 70-81

Sheldon, K.M, Prentice, M. Self-determination theory as a foundation for personality researchers. Journal of Personality // Journal of Personality. 2019. Vol. 87. No. 1. P. 5–14.

Сведения об авторах

Наталья А. Москвичева, кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; *n.moskvicheva@spbu.ru*

Елена В. Зиновьева, кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; *e.zinovieva@spbu.ru*

Светлана Н. Костромина, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; *s.kostromina@spbu.ru*

Мария М. Одинова, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; *m.odintsova@spbu.ru*

Евгения А. Зайцева, психолог, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; *e.zaitseva@spbu.ru*

Moskvicheva N.L., Zinovyeva E.V., Kostromina S.N.,
Odintsova M.M., Zaitseva E.A.

The phenomenon of self-determination:
psychological origins and modern understanding. Part 1
St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of self-determination of personality in psychology, analysis and generalization of the origins of its understanding that arose in line with various approaches and concepts, as well as a discussion of its content and principles of study from

modern positions. The relevance of the problem of self-determination of human behavior is associated with a surge of interest in the scientific literature to the processes of self-understanding, to a person with freedom of choice, characterized by a conscious attitude to life, capable of overcoming himself in physical, motivational or emotional terms. At the same time, we can talk about the absence at present of clear boundaries of the very concept of “self-determination” and the difficulties of distinguishing it from concepts that are close in meaning. The review presented in the article confirms the idea of multiple centers of indeterminism in human behavior and activity, i.e. recognition of a person’s ability to implement the regulation of his life, not determined by the influence of the external environment and heredity, at different levels and from different theoretical positions. Among the approaches that present ideas about various factors of self-determined behavior, the motivational characteristics of a person in interaction with the external environment are considered within the framework of the theory of self-determination (SDT) by E. Dessy and R. Rine; generalized attitudes of a person towards himself and his activity in the concept of social learning by J. Rotter and the concept of self-efficacy by A. Bandura; the impact on human behavior of potential ideas about oneself in the concept of “Possible I” by H. Markus; the concept of the dialogic structure of the Self and the metaposition of G. Hermans; understanding of free will by E. Fromm and the ability of a person to participate in R. May’s own development; responsibility associated with the acquisition of value orientations by a person in the works of D. A. Leontiev; the concept of subjectivity in Russian psychology, developed by S.L. Rubinstein, A.N. Leontiev, L.I. Antsiferova and others. The article considers level approaches to the description of the determination of human behavior from different conceptual positions on the example of models developed by V. S. Merlin, N. A. Bershtein, S. Buller, G. Allport, J. Nutten, D. McAdams, which confirm the assumption that self-determination processes and characteristics function at qualitatively different levels of personality organization (individual, activity, value-semantic) and perform different tasks. It is concluded that the modern view of the phenomenon of self-determination should be based on the ideas of the integrity, integrity of self-determination processes, and at the same time on the ideas of their level difference, description of the specific content and mechanisms of each level. A definition of the phenomenon of self-determination is proposed as a multi-level dynamic system that provides energy, target and semantic activity of the individual and determines relative freedom in the realization of a person’s life aspirations.

Key words: self-determination, determination of behavior, level models of personality

For citation: Moskvicheva, N.L., Zinovyeva, E.V., Kostromina, S.N., Odintsova, M.M., Zaitseva, E.A. (2022). The phenomenon of self-determination: psychological origins and modern understanding. Part 1. *New Psychological Research*, No. 4, 90–116. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_04_05

Acknowledgment

The study was supported by the Russian Science Foundation, project 22-28-00460 «Complementary model of personality self-determination: theoretical foundations, diagnostic tools, implementation practice».

References

- Allport, G. (2002). *Becoming a Person: Selected Writings*. Moscow: Smysl.
- Antsyferova, L.I. (1989). Psychology of personality formation and development. In: L.I. Antsyferova (Ed.), *Man in the system of sciences* (pp. 426-433). Moscow: Nauka.
- Bandura, A. (1997). *Self-efficacy. The Exercise of Control*. New York: W.H. Freeman and Comp.
- Bauer, J.J., King, L.A., Steger, M.F. (2019). Meaning making, self-determination theory, and the question of wisdom in personality. *Journal of Personality*, 87(1), 82–101. DOI: 10.1111/jopy.12381
- Bergson, H. (2019). *Creative evolution*. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Bernshtein, N.A. (1966). *Essays on the physiology of movements and the physiology of activity*. Moscow: Meditsina.
- Bolotova, A.K., Puretsky, M.M. (2015). Development of the ideas of self-regulation in a historical retrospective. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*, 11(3), 64-74.
- Buhler C., Alien M. (1972). *Introduction to humanistic psychology*. Pacific Grove CA: Brooks/ Cole.
- Buhler, C.M., Marschack, M. (1968). Basic tendencies of human life. In C. Bühler, F. Massarik (Eds.), *The course of human life: A study of goals in the humanistic perspective* (pp. 92–102). New York: Springer. CA Wadsworth.
- Deci, E.L., Ryan, R.M. (2008). Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health. *Canadian Psychology*, 49(3), 182–185.
- Dorfman, L.I. (2008). Methodological analysis of the theory of integral individuality by V.S. Merlin. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 3, 106–121.
- Fromm, E. (1989). *Escape from freedom*. Moscow: Progress.
- Fromm, E. (2012). *Man for himself*. Moscow: Astrel'.
- Gomez-Baya, D., Lucia-Casademunt, A.M. (2018). A self-determination theory approach to health and well-being in the workplace: Results from the sixth European working conditions survey in Spain. *Journal of Applied Social Psychology*, 48(5), 269-283.
- Gordeeva, T.O. (2010). Theory of self-determination: present and future. Part 1: Problems of theory development. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 3(12), DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i12.906>

Gordeeva, T.O. (2010). Theory of self-determination: present and future. Part 2: Questions of practical application of the theory. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 3(13). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i13.895>

Hermans, H.J., Kempen, H.J., Van Loon, R.J. (1992). The dialogical self: Beyond individualism and rationalism. *American Psychologist*, 47(1), 23–33.

Leontiev, D.A. (1993) *Outline of personality psychology*. Moscow: Smysl.

Leontiev, D.A. (2004) Perspective man. In: D.A. Leontiev (Ed.), *Nuttin J. Motivation, planning, and action: a relational* (pp. 5-16). Moscow: Smysl.

Leontiev, D.A. (2011). New guidelines for understanding personality in psychology: from the necessary to the possible. *Voprosy psikhologii*, 1, 3-27.

Leontiev, D.A., Mandrikova, E.U., Rasskazova, E.I., Fam, A.Kh. (2011). Personal potential in a situation of uncertainty and choice. In: D.A. Leontieva (Ed.), *Personal potential: structure and diagnostics* (pp. 511–546), Moscow: Smysl.

Liu, Y., Raza, J., Zhang, J., Zhu, N., Gul, H. (2022). Linking autonomy support and health at work: The self-determination theory perspective. *Current Psychology*, 41(6), 3651–3663.

Markus, H., Nurius, P. (1986). Possible selves. *American Psychologist*, 41(9), 954–969.

May, R. (1997). *Love and Will*. Moscow: Refl-buk, Vakle.

May, R. (2013). *Man's Search Himself*. Moscow: Institut obshchegumani-
tarnykh issledovaniy.

McAdams, D.P. (2008). Psychology of life stories. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 3, 135–166.

Merlin, V.S. (1986). *Essay on integral individuality*. Moscow: Pedagogika.

Nuttin, J. (2004). *Motivation, planning, and action: a relational*. Moscow: Smysl.

Oyserman D., James, L. (2009). Possible selves: From content to process. In K. Markman, J.A. Suhr (Eds.), *The Handbook of Imagination and Mental Stimulation* (pp. 373-394). New York: Psychology Press.

Petrovsky, V.A. (1996). *Personality in psychology: the paradigm of subjectness*. Rostov-on-Don: Feniks.

Rotter, J.B. (1966). Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement. *Psychological Monographs*, 80, 1-28.

Rubinshtein, S.L. (1973). *Problems of general psychology*. Moscow: Pedagogika.

Rubinshtein, S.L. (1998). *Fundamentals of General Psychology*. St. Petersburg: Piter.

Rubinshtein, S.L. (2003). *Being and consciousness. Man and the world*. St. Petersburg: Piter.

Ryan, R.M., Deci, E.L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: Guilford Press.

Ryan, R.M., Soenens, B., Vansteenkiste, M. (2019). Reflections on self-determination theory as an organizing framework for personality psychology: Interfaces, integrations, issues, and unfinished business. *Journal of Personality*, 87(1), 115-145.

Sedikides, C., Ntoumanis, N., Sheldon, K.M. (2019). I am the chosen one: Narcissism in the backdrop of self-determination theory. *Journal of Personality*, 87(1), 70-81.

Sheldon, K.M., Prentice, M. (2019). Self-determination theory as a foundation for personality researchers. *Journal of Personality*, 87(1), 5-14.

Information about the authors

Natalia L. Moskvicheva, Ph.D (Psychology), associate professor, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya nab., St Petersburg, Russia, 199034; *n.moskvicheva@spbu.ru*

Elena V. Zinovyeva, Ph.D (Psychology), associate professor, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya nab., St Petersburg, Russia, 199034; *e.zinovieva@spbu.ru*

Svetlana N. Kostromina, Dr. (Psychology), professor, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya nab., St Petersburg, Russia, 199034; *s.kostromina@spbu.ru*

Maria M. Odintsova, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya nab., St Petersburg, Russia, 199034; *m.odintsova@spbu.ru*

Evgenia A. Zaitseva, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya nab., St Petersburg, Russia, 199034; *e.zaitseva@spbu.ru*